

ПИСЬМА, ПЕРЕПОЛНЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ

Из переписки М. Вишнякова — Ст. Куняева

В сентябре 1979 года я получил письмо из Читы от Михаила Евсеевича Вишнякова. С этого дня и началась наша переписка, длившаяся более четверти века. А когда я стал главным редактором журнала “Наш современник”, то он, один из лучших поэтов своего поколения, начал постоянно печататься на его страницах.

В 80-е годы мы стали время от времени встречаться сначала как единомышленники, а потом и как друзья на наших съездах и пленумах, которые были как воздух необходимы нам всем в лихорадочное время так называемой перестройки. Но главная суть наших отношений всё-таки теплилась в письмах.

Мой архив богат папками, в которых сложены письма многих литераторов и Советской, и нынешней России. Кое-что из этих архивов — переписку с Николаем Рубцовым, Анатолием Передреевым, Вячеславом Шугаевым, Виктором Астафьевым, Татьяной Глушковой, Игорем Шкляревским, Георгием Свиридовым, Яном Вассерманом, Александром Межировым — я опубликовал в своих воспоминаниях. В 2012 году в журнале “Наш современник” была напечатана наша обильная переписка с Василием Беловым. В ближайшем будущем, если найдутся для этого время и силы, я подготовлю к печати переписку с Александром Солженицыным, Юрием Ключниковым, Владимиром Бушиным, Виктором Лапшиным. Но готов поклясться, что самые интересные, самые глубокие, самые переполненные жизнью письма приходили ко мне из далёкой Читы от Михаила Евсеевича Вишнякова. Я предоставляю нашим читателям возможность познакомиться с характером и духовным миром этого необыкновенного человека сегодня, пока ещё существуют люди, способные прочитать и понять эти письма, пока мутная волна-цунами всеобщего одичания, подобная фукусимовой волне, не прокатилась по России, смывая всё, чем жили русские люди в нашем великом XX веке.

Но я должен предостеречь читателей: не обращайтесь большого внимания на то, что Михаил Вишняков превозносит в своих письмах меня как своего старшего друга и наставника. Дело не в этом, а в том, что он задавал в своих письмах мне и миру такие страстные вопросы и находил на них такие страстные ответы, и тем самым выражал свою сущность столь ярко, что не я, а именно он сам, может быть, того не сознавая, становился героем нашей эпистолярной стихии. Его письма ко мне на равных разговаривали с моими книгами, которые я посылал ему, и это тем более становится сейчас, по истечении нескольких лет после его смерти, столь очевидным для меня. Тем более что мои письма к нему, как мне помнится, всегда были деловыми, поучительными, и он отвечал не на них, а на всю полноту бытия, которую с избыточной щедростью находил в моих книгах, и отвечал мне с не меньшей, а может быть, и с большей полнотой чувств, изложенных в письмах-исповедях.

Он уважал и любил многих своих старших собратьев по перу и своих ровесников, и потому с радостью посвящал свои лучшие стихи Валентину Рас-

путину, Анатолию Гребневу, Владимиру Цыбину, Николаю Коняеву, Владимиру Берязеву, Станиславу Золотцеву.

У него есть стихи, посвящённые памяти иркутского поэта Сергея Иоффе, Анатолия Передреева и памяти нашего общего друга – великого бурятского поэта, стихи которого я переводил с наслаждением, – Дондока Улзытуева. Он был поэтом, создававшим культ дружбы.

За три года до смерти он прислал мне трёхтомник своих избранных произведений. Представляю, как он был счастлив, издав эти три заветных тома! На титульной странице первого тома его рукой была сделана надпись: **“Учителю и сотаиннику духа с поклоном из нерчинских рудников и даурских морозных вершин. Храни тебя Бог!**

Автор М. Вишняков. 2 октября 2005 г<ода>. Чита”

А титульный лист третьего тома был исписан сверху донизу:

“С. Ю. Куняеву: самый и самый авторитетный для меня Учитель России, – СК! – вот и я дождал до трёхтомника! Не обрекаю тебя на чтение всех 470 стр.; прошу хотя бы прочитать стр. 295–386 – что сие: русский лубок или блудословие пера поэтического, а...? Не ругайся!

Р. С. Живой, пишу, не сплю. Часто по ночам вспоминаю некоего поэта, что в “НС” напечатал:

*Север ты наш и восток!
Реченьки наши неузкие,
Только бы силушки русские
Не уходили в песок.*

*Р. С. Мои пока не уходят.
М. В.”*

Чтобы современному читателю, одичавшему от блужданий по дебрям интернета, было ясно, какое значение Михаил Вишняков придавал письмам, без которых не могла бы существовать наша страна, раскинувшаяся с востока на запад чуть ли не на десять тысяч вёрст, напомним, что его последним произведением, присланным летом 2005 года в “Наш современник”, было блистательное исследование “Перо краевое” с подзаголовком “Судьбы писем в Сибири...” Напечатано оно было в октябрьском номере журнала за тот же год.

А чтобы окончательно почувствовать, что означали для него письма, которые он писал сам и которые получал от друзей, я закончу это краткое предисловие стихотворением, которое получил из Читы, не помню, в каком из 90-х годов прошлого века и которое частично напечатано в очерке “Перо краевое” с таким послесловием:

“Эти стихи, посвящённые Станиславу Куняеву, – мой низкий поклон всем сотаинникам мысли и духа, поклон от русского мира, пульсирующего на “окраинах дальних и диких”. И нет, не властная вертикаль государственности, а наши письма, наше дружество и поддержка, желание не потеряться в рассяенье, как единый исторический народ, и есть та великая скрепа, которой нам до смертного креста соединять Отечество, сращивать, как сруб в колодце, глубину почвы и высоту неба – весь наш род, родство и Родину.

Письма по-русски – это не столько информационный посыл, сколько духовное вопрошение и наставничество, поучение и пророчество, бездна “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет...” <...>

Когда лютует буран в Чите или Магадане, трещит морозобойный январь в Иркутске или Оймяконе, когда жить страшно и стыдно, вдруг откроешь почтовый ящик, увидишь письмо – в сердце разрывается гремучая граната счастья, восторга, праздника восстановленной связи с прошлым и будущим, с мощной ЕЭС – единой энергетической системой духовного освещения”.

Вот на какую высоту возносил переписку с друзьями Михаил Вишняков, один из лучших поэтов поколения, рождённого после Великой Отечественной, стягивавший своими мыслями и чувствами громадные просторы России в единое целое, именуемое Родиной.

Ст. Куняев

Здравствуй, Станислав!

Пишет тебе Михаил Вишняков из Читы – как-то нас познакомили в “Октябре”, м<ожет> б<ыть>, и не помнишь, – дело не в этом.

Завтра утром в 8.00 я уезжаю в командировку в “глубинку” Забайкалья, надо собираться, уже вечер, но твоя книга (купил сегодня)¹, как проклятье, – давит и давит, не даёт собираться, сосредоточиться – вот чертыхнулся – сел писать.

“Глубокий день” подтвердил мою мысль, рождённую года 3 назад: кончились времена, когда поэта объявляли и праздновали всей Россией по 1–2 стихотворениям. “Вот, – говорил я, – будут нас печатать, где-то хвалить, где-то ругать, но по **Большому** счёту так и не будет видно. Зато годам к 50-ти, когда выйдут одно-двухтомники, – ахнут: “Это же гиганты! – как мы их не заметили, где они выросли и т. д.” (Речь не о славе – об итоге нашей работы в поэзии, о конечном восприятии мыслящей Россией нашего поколения.)

Теперь вижу, что эта мысль относится и к тебе, хотя ты – иное поколение.

Буду честен: я знал твои стихи давно. Но сказать, что Куняев влиял глобально на поэзию в 60–70-е годы, не могу. Влияли – пусть это и будет досадно – Евг. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, тот же Роба Рождественский...

Но вот вышел том – какая даль открылась! Ты хоть сам не сознаёшь, что свершил, что содеял? Наша импотентная критика ничего не заметила, а книга – явление, достойное Гос<ударственной> премии.

В последние годы я мало потрясаюсь поэзией. “Старики” уже далеко и не устраивают, а современники – что ж? – открою, прочту 2–3 стиха... А-а-а, не лучше меня – чего же читать то, что я перерос уже в себе... Твою книгу прочёл с чувством – лучше меня, есть чему поучиться, есть кого догонять.

Ещё одна мысль: впервые в России выросло поколение, за спиной которого нет **героического** – войны, гражданки и т. д. Нельзя же считать, что жизнь прошла “недаром”, что способствовал выполнению плана какой-то овчинной фабрикой или заводом. У нас впервые нет **внешнего** идеала. Ты посмотри: “старики” вновь и вновь “прячутся” в военную тему. Почему? А потому, что остальное в их жизни, по сравнению с войной, – тускло, серо, “нехудожественно”. Просто пасуют перед сложностью нового мира. Ты – один, который ищешь идеал прошедшей молодости не во внешнем – войне, стройках, – а внутри. Вот и отчего над твоей книгой мне хочется плакать – столько в ней красоты и страха (красота и жизнь пройдёт). Я этого же боюсь в своих стихах, щемящей боли и вины перед миром, жути перед природой и Вселенной. (После наших странно-обнажённо-непостижимых вещей так хочется взять в руки Грибачёва – всё ясно, солнечно, уверенно. Тупо, но уверенно).

Влачим мы босые души по Земле, потрясённые Великим и Малым бытием, – как найти гармонию? Как примириться? Ведь даже в наших “примиряющихся” стихах столько боли и жути перед мигмом, который “канет во мгле”². Что случилось, а? Мир вроде бы идёт к стабильности, войны и катастроф не видно, но откуда такая боль от красоты и полноты мира (я – вот вспомнил – я переживал, что жизнь не вечна, уже лет в 6–7, и содрогнулось детское сердце и до сих пор колотится).

Твой “Глубокий день” вносит в мою душу – душу читателя – дисгармонию, какой-то проклятый наркотик, плачу – бросаю, опять тянусь, как садист, на праздник муки и боли.

Вот и сомкнулось: начал я писать уверенные стихи, всё в них было прочно. Повзрослел – стал думать: куда иду? Сейчас увидел – туда, куда ты пришёл уже. А там – страшно и беспощадно, там не уснёшь благостно, там всё беззащитно от кипучей и **жестоко-правдивой мысли**. Голгофа души.

А по-детски, по-житейски мне хотелось бы гармонии, покоя, отдохновения в поэзии от грубой жизни.

Знаю, что пойду, как и ты, что иного пути нет, пока не искромсаем себя, пока не умрём – всё будем мучаться.

Прости.

Спасибо, что ты живой!

Михаил Вишняков, 30/IX-1979.

Р. С. Нашёл это письмо в столе сегодня, 18 декабря 1980 г<ода>, прочёл – так думаю и сейчас. М.В.

II

Дорогой Станислав!

Был несказанно рад твоему письму³ и книге, ибо ничто в моей Чите так не радует, как живое слово, как незабывчивая память современников. Книгу прочёл за один присест – обрадован и во многом согласен. И – задумался над тем, с каким упорством ты отстаиваешь красоту как категорию и поэтическую, и философскую, и жизненную. Что значит формула: “Красота всё смирит, всё оправдает”? Вектор мысли понятен, но, видимо, **это** нельзя понять, не прожив изнутри как СИСТЕМУ. Об этом буду думать долго, неторопливо...

Как вообще живу? Работаю уже 10 лет на TV по сельхозвещанию – сам создаю, сам веду один раз в неделю передачу “Нива” – наподобие “Сельского часа”. А это – бесконечные поездки по отарам и фермам, полям и полевым станам. Морозы, поломки машины в пустой степи, костры и водка, бригады и чабаны, поиски ночлега, ужина, бензина, блуждания в метели и зное, всякие ухарские дела на грубых путях, переправах и перевалах. Короче говоря, жизнь кочевая, изматывающая, живого поэта по полгоду не вижу.

Писал. Пишу. Буду писать. Почувствовал, что тему **Азия = Даурия** исчерпал. Мучительно писал поэму о смерти “Неведомый гонец”. Но... получил такой разнос из “Нашего современника”, что не понял: какое же личное преступление совершил. Думаю выслать эту небольшую поэму тебе. Как-то прекрасно говорил об одной вещи Ю. Кузнецова... вот я сейчас подумал, что, м<ожет> б<ыть>, Куняев где-то как-то поймёт “Неведомого гонца”? Почему читавшие её лично раздражаются – обижаются, что ли? О смерти, как и о жизни, надо думать и писать надо. У искусства нет запретных областей человеческого духа.

В нравственном развитии всё больше стал склоняться к славянофильству. М<ожет> б<ыть>, грустно, но поездка по некоторым республикам обидела меня – очень терпимого ко всем на земле – за Россию, за наше святое и национальное, которое бы хотели вытравить из меня. Правда ли, что в канун 600-летия Куликовской битвы было около 1 млн писем в ЦК, чтобы не праздновать этот величайший юбилей? Не зря лет 100 назад Иван Киреевский писал, что, если мы снова раздробимся на уделы, сразу же найдутся новые монголы, как в Азии, так и в Европе.

Буду издавать книги в Иркутске (1982) и в Москве – предположительно в “Мол<одой> гвардии”, а м<ожет> б<ыть>, в “Современнике” (м<ожет> б<ыть>, в “Сов<етском> писателе”, если там не потеряли рукопись – молчат 2 года, ни на какие письма не отвечают).

Положение моё в Чите твёрдое – член бюро, член редколлегии “Сибири”. Если есть одна обида – отсоединённость от литературного процесса: статей не пишу, в лит<ературных> мероприятиях общесоюзных не участвую, одиноко затерян, – то м<ожет> б<ыть>, к лучшему. Хотя планирую в 1981 году уйти с TV. Замыслов столько, что голова пухнет. (Проза, эссе, публицистика, архивы и т. д. и т. д.) Но пока буду пытаться оставаться **ЧИСТЫМ ПОЭТОМ**. Слишком уж велик отток из поэзии, а классики уходят “в мир иной”. Есть чувство ответственности за поколение, за изящную словесность.

Посмотри, Станислав, поэму “Неведомый гонец”⁴. Не в смысле публикации (верю, что рано или поздно эту вещь напечатают) – вообще, что я сотворил? Это – первый опыт в неведомой мне теме, в неведомой манере, мышлении, поиске – т. е. полный *неведомый гонец*...

Ещё раз говорю с благодарностью, с большой любовью, что твоё письмо – честь, которой заслужил, м<ожет> б<ыть>, не полностью! Обнимаю!

г. Чита. 1981

Михаил Вишняков.

III

Дорогой Станислав Юрьевич!

Однажды мне передали, что очень тепло отозвался о моей поэме “Даурское лето” Леонид Мартынов, и я... отправил ему новую книжку стихов. Прошло дней 15, и “ЛГ” пришла с некрологом о смерти поэта. Жена моя, особа с острым языком, заметила, что “Леонид Мартынов умер с горя, прочтя твои стихи”.

А раз я пишу это письмо, значит, книга “Солнечные ночи” не довела меня до смертного одра. Ну, это присказка...

С большим волнением вскрывал конверт, чуя, что в нём – книга. Ибо только и осталась надежда на общение с братьями по времени через книгу.

*Я последний поэт, не издавший в Париже ни книжки,
не сумевший понять Кьеркегора и Ян-Чжэна-ву,
зная гимны Ассура и песни Ошанина лишь понаслышке, —
одиноко и дико в Восточной Сибири живу.*

Всё время рылся в библиотеке, искал журналы с твоими стихами, сравнивал. Ощущение такое, что ты безжалостно переделываешь написанное. В этом – две стороны. Первое: поэт в движении, в бесконечном обновлении. Второе... м<ожет> б<ыть>, некоторая зыбкость, текучесть критериев, идеалов. Нравственных и социальных ориентиров?

Действительно, что происходит в обществе? Стабильность превращается в инерцию и застой, сложность – в запутанность, простота – в упрощение и нормативность, Красота и Эстетическое – в “башню из слоновой кости”. Спасибо, что не у всех это доминирует. Наибольший интерес у меня вызвала “Восточная дуга”. Особенно потрясло “Два сына соседних народов”. Всё мне чудилось, что это спорят Кайсын и Расул, а не... арабы⁵.

А какая радость увидеть вновь в книге “Реставрировать церкви не надо”!

Самым любимым в твоём творчестве для меня, – я не знаю, как это назвать – строфика, что ли? – где “ин”-“он” выражает бездну и красоту, страх и величие.

“Исполинских лавин Гиндукуша”

“Всё равно на просторах раздольных” (вся строфа)

От этого хочется оседлать коня, лететь и насмерть разбиться.

“Льдине – чужбине” (“Что-то взгляды его холодны”)

“Нью-Орлеана – океана”

“Чужбина – сына”.

“И на мокром бетоне следы / замечает российская выюга”.

Предчувствую, что “ЭТО” идёт откуда-то из Есенина. М<ожет> б<ыть>, вот из “Сорокоуста”?

“Неужель он не знает, что в полях бессиянных...”

Я не о звуках, не о ритмике – о чувстве “лететь и насмерть **разбиться**”. А... “Головой **размозжась** о плетень, облилась кровью ягод рябина”... Неужели и в конце XX века нашему поколению “Трубит, трубит погибельный рог”? А Куняев, как поэт, острее всех это чувствует? М<ожет> б<ыть>, поэзия – это врождённое бедствие? Сама по себе?

Недавно я написал “Весна на Ангаре”, где из тебя или из “Матёры” концовка:

*И, дробясь, разлетается лёд,
прёт вода через глыбы бетона.
И над ГЭС в проводах многотонных
русский плачущий ветер поёт...*

Может быть, моя судьба улыбнётся, и я с 1 сентября уйду в бюро пропаганды, освобожусь от TV, от проклятья этой конторы. Тогда впереди всё – свобода, время, поездки и стихи, волюшка – вольная воля!

В августе переводил Рильке и не понял... где он, большой поэт? Всё это – по разуму российскому, а не выше. Так примерно и я могу. Но я – я, а его почитают за вершину европейской поэзии XX века. Гм...?

Мне почему-то не хватило в стихах, посвящённых Э. Портнягину, тех, что напечатаны ранее, в том числе в “Свободной стихии”. Как это верно и гордо: а завтра на смертной постели, в наполненной звёздами мгле.

О многом бы хотелось говорить долго-долго, особенно – как жить, как не согнуться от страха перед небытием поэзии. Чем сменится эпоха побегов и возвращений? Наполнятся ли вновь Людьми “обезлюдённые” города? Поэзия – способ жизни или выживания?

Завершая это довольно сумбурное письмо, говорю вам, Станислав Юрьевич, самое горячее и пылкое спасибо за книгу и память. Хочется быть лучше, сделать больше.

Остаюсь в надежде, что

*Я же буду счастлив от сознания,
что, уйдя в пределы немоты,
не оставил там, где был, зиянья,
промежутка или пустоты.*

Ваш Михаил Вишняков.
г. Чита. Август 1981.

IV

Дорогой Станислав!

Гляди-ка – дожили до Нового года, имеем полное право поздравить друг друга с не самым худшим годом в нашей судьбе-судьбине. Я только теперь начинаю понимать, что поэт – путь неизбежный; проходят они свои вершины духа и низины быта именно так, а не иначе.

Я искренне рад поздравить тебя, пожелать верховий российской словесности, парения в небе и шагов по любимой тобой земле – подзолу, глине, чернозёму, вулканической пемзе и т. д. Восьмидесятые годы будут штормовыми, и спасёт нас не дрейф, а волевой ход – чтоб от винта только буруны вставали⁶.

Рад тебе сообщить, что поэму “Неведомый гонец” взял Сергей Цырендоржиев в “Байкал” на 1982 год. Я над ней ещё немало работал, будет счастье – напечатают, пришлю почитать, узнать твоё восприятие.

Спасибо тебе за открытку, как-то согрело меня твоё слово, ободрило, подвинуло на труды.

* * *

*Думать спокойную думу,
слушать холмы, облака,
небо Даурии, шумы
утреннего ветерка.
Видеть дороги и нивы,
завязь в росе и пыльце
и не терять перспективы —
некой загадки в конце...*

Обнимаю по-братски, по-сибирски! Знай – в Забайкалье у тебя есть куда приклонить голову, если станешь повторять путь “многих славных”⁷, – я выйду пожать твою руку!

С Новым годом!

Со штормами сего десятилетия!

Твой Михаил Вишняков.
1981.

V

Дорогой Станислав!

Спасибо тебе самое искреннее за книгу с умным предисловием, за возможность “из первых рук” прочесть ранее неизвестные строки. Дай бы Бог мне в судьбе дня два-три – напишу о “Пути”⁸. Я сам мечтал своё первое избранное в Иркутске назвать “Путь неизбежный”, но... в “Сибири” с таким заголовком появилась статья Анатолия Кобенкова обо мне, а в 1983 году он выпускает книгу критики, и тоже обозвал её “Путь неизбежный”... Вообще “Путь” и все “пути-беспутные” идут от Блока – т<о> е<сть> в русле того движения сознания (души, прозрения), которое свойственно русской культуре именно XX века. Путь был, естественно, и у Пушкина. Но... как-то он уж быстро “пришёл” в Поэзию, так что и пути как бы незаметно. А м<ожет> б<ыть>, путь только с Пушкина начинался – т<о> е<сть> от Пушкина – в даль. (Я понимаю, что было “Слово”, было много чего до Пушкина.) Но как точка отсчёта – путь, странным образом обойдя Лермонтова, Некрасова, Тютчева, вдруг стал сознанием нации в Блоке. Тут я не “хваляю” Блока, поэта мне чуждого и мной не любимого. Но путь как тенденция наиболее сильно и впервые возник у Блока.

Ты – очень головастый мужик, мог бы написать об этом интересное исследование. Я сам едва ли потяну – не та филологическая культура, да и умишка маловато. Здесь нужен европейский кругозор и блеск, и историко-поэтическое образование.

Я сейчас живу крайне плохо. Расхищаю себя вот каким образом. Идут публикации, книги – но нового, принципиального, взлётного не пишется. Живу написанным в 1979–1980 годы. Причин вижу две: старое отработал, новое зреет. И – жизнь: ушёл с TV, <теперь> – зав. бюро пропаганды, т<о> е<сть> бесконечные гости, административно-финансовая суета, пьянки (чёрт бы их побрал!), отрыв от пера бесконечный. Да и трое детей с больной женой – не шутка. Пишу это не в оправдание. Сам знаю, что поэта ничто не оправдывает...

Плюс житие в городе, где поэт я – один, где тянешь лямку общекультурной работы, которую кроме меня никто не сделает. Просветительство – тоже Путь поэта на “окраинах дальних и диких”. Я знаю твёрдо, что моя смерть будет большой потерей для Забайкалья⁹. Это трудно объяснить, но многим и многому легче дышится, когда горит, пусть даже одинокий, огонёк поэзии. Слишком много прозы в нашем краю, в нашей жизни.

В 1983 году в № 4 “Байкала” и в моей новой книге “Кедровый посох” выйдет поэма “Неведомый гонец” – что-то очень нужное и мне, и нашей поэзии.

Не смог бы ты, Станислав, приехать в Читу где-то, допустим, в мае-июне. Сели бы на “Волгу” и закатили в степь, в несомкнутые горизонты Азии, на Барун-Торей, на “кубок Чингиза”. Я бы заранее дал к твоему приезду твои стихи в прессе, записал бы тебя на радио, на TV. По бюро пропаганды выступили бы и т. д. – т<о> е<сть> были бы деньги, воля, впечатления, поэзия. Да, в Забайкалье всем поэтам, приезжающим из других краёв, хорошо пишется. Вот были у меня Ст. Золотцев и Вл. Топоров – увезли отсюда десятки стихов, сотни замыслов и странное ощущение: пишется отчего-то легко и хорошо, и новаторски.

На прощанье – мои последние стихи.

*Эти звёзды сгорели бесследно,
только свет, приближаясь, живёт —
на лице, от волнения бледном,*

*всё играет да в небо зовёт,
в доракетную тайну пространства,
где над облаком, как образок,
цвета северного христианства
синь суровая и холодок,
где всю ночь над моей головою,
замыкая зари полукруг,
горизонт, как перо краевое¹⁰,
обронил острокрылый канюк,
где пылали весенние своды
охрой, зеленью, голубизной.
...Я остался, но нету природы,
начинавшейся вместе со мной.*

Что бы ты, Станислав, сказал об этом стихотворении? Не зафилософствовал ли? Не ушёл ли от себя — крепко-земного, терпко-материального, а?

Поклон московскому небу, твоим чадам и домочадцам, здоровья тебе в юбилейные застолья, в поэтическом марафоне, где конца Пути не видно в тайнах живой души!

Обнимаю.
М. Вишняков.
г. Чита, 1982.

VI

Дорогой Станислав!

Вот и вышла моя — аж страшно! — пятая книга. Давно ли мечталось хотя бы об одном стихотворении в московской прессе. Доволен ли я — Бог знает... Хотя есть подозрение, что мой “Кедровый посох” — в чём-то этапная книга для моего поколения, принимающего, а сие — историческая реальность, — эстафету из ваших рук. Что бы ни говорилось, мы — т<о> е<сть> те, кто выпустил 2–4 книги, стал членом СП, кому под 40 лет, пусть долго формировались как поколение, искали свою эстетику, лад и склад языка, символы, строй и настрой строки, лирико-философскую линию и т. д., всё же сформировались в довольно своеобразное явление в российской поэзии конца XX века. Вы уже писали о книге “Молодые голоса”, где пунктирно наметилось сказанное мной выше. После “Молодых голосов” у целого ряда из его авторов вышли, выйдут, вот-вот выйдут новые книги. Интересно, заметит ли критика этот “послеголосовский” рывок к зрелости. Состоялся ли он? Я думаю, да. Конечно, со всем своеобразием самого понятия “зрелость” в 80-е годы, где не принимается зрелость как завершённость, как титулы, премии, членство в редколлегиях, в правлениях и т. д. Да, прав был М. А. Дудин в предисловии к “голосам”, что шумный лес поредеет, но и укрупнится, выстоят реальные работники русского слова.

Живу. Пишу. Возглавляю Бюро пропаганды. Заседаю. Олицетворяю. Иногда немного пью. Грущу, что приобщение к традиции в Чите — сложно. Термины “забайкальская поэзия” и “поэт из Читы” звучат так же экзотично, как “эскимосская радиоэлектроника”.

Если Вам, Станислав Юрьевич, однажды предложат сформировать группу для поездки на какие-то общественно значимые мероприятия — типа Пушкинского и Лермонтовского праздника или ещё чего-то, — не смогли бы вы вспомнить Михаила Вишнякова из Читы, который Москвы не видел и живых поэтов — уже два с лишним года. Устал я от одиночества, а ведь так хочется **“и в просвещении быть с веком наравне”**¹¹.

Нет ли у вас планов на 1984–1985 годы побывать в Забайкалье, на китайской границе, в ачинской даурской степи, на берегу Онона или Чикоя, Чары или Витима, на БАМе. Моё Бюро могло бы кое-что гарантировать — интересное и умное.

Буду рад прочесть ваше мнение о книге “Кедровый посох” в письме ко

мне, на худой конец — рецензию в японской как их там... “Майнити” или китайской “Жэньмин-жибао” (последнее предложение — шутка!).

Обнимаю как старшего брата, как любимого мной Поэта.

М. Вишняков.
г. Чита, 16 августа 1983.

VII

Дорогой Станислав!

Прочёл я твоё предисловие к книге “Сибирские строки” — “Великий путь”. Как прекрасно и точно написано! Не знаю, было ли у тебя перед глазами (читал ли?) “Сибирь без романтики” В. Распутина (альманах “Сибирь”, № 5, 1983), но как интересно вы дополнили друг друга! Более сильных гимнов-эссе о Сибири, чем твоё и Распутина, я пока не читал. Даже завидно, что у меня самого пока **такого** нет. Во, черти, всю жизнь бегу за вами вдогонку, а вы снова и снова впереди. Самое высокое, что оба блеснули не только как художники (мало ли у нас блистательных перьев!), но как историки, философы, мыслители века самой редкой по насыщенности мысли, интеллектуалы российского края и масштаба, граждане. Я сейчас очень это ценю, ибо **“просто художников в себе”** развелась тьма-тьмушная, а личностей нет.

Спасибо, низкий поклон от сибиряков за это.

Хотелось мне и поздравить тебя с наградой¹², могли бы фамилию Куняева поместить и ближе к началу списка наград... но не будем в обиде на родной СП и Президиум — Россия ещё отметит то, что содеяно тобой в поэзии.

Я вот жив-здоров, пишу, жду книгу из “Мол<одой> гв<ардии>” — II кв<артал> 1985 года, не теряюсь в снегах Читы, а как-то дышу, освещаю, согреваю мою Даурию!

С поклоном от Читы

Михаил Вишняков.
24 ноября 1984.

VIII

Дорогой Станислав!

Был рад твоему искреннему слову ко мне¹³, твоей вечно-думной натуре, направляющей соратников и друзей на мысль о глубоком и серьёзном. В этом году будет 300 лет жизни Вишняковых в Сибири и моих 40 лет — даты призывающие и предостерегающие. Вот родилось стихотворение:

Письмо Станиславу Куняеву

*Передайте: в начале весны
я ушёл, и теперь уж надолго,
словно эхо, в глубины страны.
Моё шумное вече замолкло.
Я ушёл, как вода сквозь пески,
незаметно и, в общем, негрустно.
Только ласточки да ивняки
знают тайну подземного русла.
Я теперь на дороге степной,
осознав свою цель в полной мере,
волен думать о правде земной,
как седой страстотерпец о вере.
Среди острых и пыльных дождей
на стоянках, тебе не известных,
волен я находить у людей*

*ту же даль, что и в звёздах небесных.
И моё золотое зерно
из польни и чертополоха
прорастает сквозь толщу эпохи,
коль иного уже не дано.
Что посеяно, то и взойдёт.
А земля — она всюду жилая.
Всюду трудятся мысль и народ
(м<ожет> б<ыть>:
всюду трудится русский народ),
свищет космос и бездна пылает.*

Если это стихотворение придётся по душе, так и озаглавлю, а — “Кто долго жил в Сибири” — обязательно при следующей публикации поставлю с посвящением к тебе, ибо оно рождалось в письмах и раздумьях над твоими книгами. Стихотворение “Письмо...” — лейтмотив нынешнего настроения и подъёма. Замыслов — море, да опутан делами, текучкой, провинциальным сгоранием по мелочам, заседаниями, Бюро, работой с молодыми и т. д.

С поклоном М. Вишняков.
12 июня 1985.

IX

Дорогой Станислав!

Сердечное спасибо за письмо и доверие: мы далеко, многое в нас губят расстояния и даль великая. Очень мало осталось серьёзных людей: тот — болтун, тот — благодуществующий, тот — лентяй и т. д. Особенно мало людей памятливых и отдающих себе отчёт — что, зачем, откуда, почему? Ещё по отчёту в “ЛГ” и другим твоим материалам я понимал: обладаешь информацией, и мы с тобой имеем либо имели одни и те же материалы; в частности, “Дезориентацию” Емельянова, “Это должен знать каждый”, переписку Астафьева и Эйдельмана, “Сионизм в архитектуре” и др. И твои цитаты из Алтаузена¹⁴, впервые обнародованные для новых поколений, — политический шаг.

Спасибо за полный текст¹⁵, с ним будут ознакомлены серьёзные люди, а они есть в Сибири.

Был много дней на уничтоженной реке Жергей — притоке Чикоя-Селенги, продолжаю войну за изголовья байкальских рек. Пока знал мало — писал скандальные, резкие статьи, теперь вижу: беден русский язык, чтобы описать, ЧТО происходит в верховьях байкальских рек. Тайга изуродована, уничтожена, изнахвачена, растерзана, загублена, садистски изрезана, замучена, растоптана... Даже не тайга — сама земля и жизнь. Снял 2 фотоплёнки, м<ожет> б<ыть>, сделаю альбом фотографий и буду отсылать на имя Генерального прокурора СССР.

А как публицист — буду готовить, м<ожет> б<ыть>, для Викулова, ибо в газетах Сибири я уже навоевался по горло. Надо ещё съездить к Валентину в Иркутск, посоветоваться.

Забайкалье сгорело процентов на 60 — чёрная пустыня, где в лесах роются в белом пепле седые от пепла белки — как они уцелели? Откуда пришли назад? Всем на всё наплевать, тайга горела, а армия не дала солдат и технику. Новый I секретарь ОК КПСС уволил уже до 70% бывшего партгоссоваппарата. Груб, как диктатор сталинской эпохи, все трясутся, такой нестабильности у нас ещё не было. Надо всех разгонять, но всех-то и не разгонишь, кто-то должен работать — двоякое впечатление от действий I секретаря. Писательской организации почти не стало, наш отв<етственный> секретарь Куренной всё бросил и ничего не делает, шевелится пока моё Бюро. Я героическими усилиями пытаюсь сохранить хотя бы форму приличия — распад неминуем, крах будет к осени. Либо, если мне отдадут штурвал, я начну осенью на развалинах строить новую организацию, поднимать молодых, консолидировать, укреплять, вдохновлять идейно, нравственно, художнически.

По твоей просьбе: директор облкниготорга выписала 100 экз<емпляров>. Обычно поэзию на позицию – заказ 40–50, обещали поработать с заказом, сейчас идёт до осени оформление, если пойдёт – увеличат до 150–180 экз<емпляров>. Причина малости – чужой автор, не проживает в Чите.

На моём персональном вечере на вопрос: “Кто лучше вас пишет стихи, у кого бы хотели поучиться из современников?” – я ответил: “Куняев”. После этого (мне говорили в Доме книги) читатель искал твои стихи.

Твою книгу критики читали долго-долго¹⁶, на мой взгляд, очень серьёзная работа, особенно II часть – идёт формулировка идей, ещё не открытых общественным сознанием. А это под силу немногим, особенно в сфере искусства и эстетики. Причём сие – не “мнение поэта Куняева”, а близкое к истине открытие учёного Куняева – по тону, аппарату, доказательности, логике изложения и обоснования, аналитичности ума. Жаль, что книга не очень-то замечена популярными изданиями и критикой. Зато читатели вряд ли прошли мимо – о с в а и в а ю т.

Будущее таково: июль – в Монголии, в сентябре буду на кедровом промысле в кедровой тайге. А тут тянут (числа с 20–25 сентября) сплавиться по горной реке, по диким местам пробраться. М<ожет> б<ыть>, выберу время на самое-самое дикое – верховья Сохондо, где бывало 10–15 человек за всю историю. Это окончательное моё переключение на краеведение, на экологию, на пушную охоту (с конца октября на 31 день отпуска). Познать Забайкалье – жизни только-только хватит.

М<ожет> б<ыть>, в 1987 году закончу переложение стихами “Слова о полку Игореве” – начинал-то ещё в 1972 г<оду>. Вот как всё растянулось – к Забайкалью прихожу через **славян-Азию-декабристов – “Слово”**. Ибо – родина. Поиск родины. Путь к Родине.

Где-то в “Нашем современнике” будет 1 стихотворение да “Мы не одиноки на земле” – очерк в книге о Байкале да трёхстишия в “Байкале”.

Есть стихов на книгу, да не тороплюсь, ибо публицистика сейчас – интереснее.

Поклон Золотцеву и Викулову.

“Октябрь” отлупил – т<о> е<сть> дал отлуп моим стихам и рецензии на мою книгу. Теперь я пока “безжурнальный” – т<о> е<сть> бесхозный поэт.

Ничего – переживу.

С поклоном от Сибири.

М. Вишняков.
22 июня 1987, г. Чита

Х

“Кто долго жил в глуши печальной...”

А. Пушкин

Станиславу Куняеву

*Кто долго жил в Сибири, друг мой строгий,
чей след терялся на десятки лет,
до слёз взволнован, удивлён, растроган,
когда письмо иль дружеский привет
его отыщут в Нерчинских Заводах
(пылил-пылил почтовый грузовик).
Как много дум высоких, благородных
к нему приходит в этот редкий миг!
Круг братства, дружбы, идеалов юных...
Гранит науки, вешняя Москва...
Взгляд Пушкина, висок его чугунный
И первой клятвы строгие слова...
Отечество. Народ. Служенье долгу.
Потребность правды. Жажда красоты...*

*И он уйдёт в себя и долго-долго
глядит в окно на снежные хребты.
Всё испытавший, столько переживший
в той жизни, что достанет на троих,
российский юноша, не утоливший
страстей своих и помыслов своих.
Безвестные лежат в снегу дороги,
И он, чей след завьюжила зима,
вам будет благодарен, друг мой строгий,
за двадцать строк негрустного письма...*

С поклоном, М. Вишняков¹⁷.

ХІ

Дорогой Станислав!

Спасибо за приглашение в “День поэзии” – как я понял – “88”. Понимаю, какую кучу стихов тебе приходится перелопачивать, сколько писем читать: посему буду краток. Жив-здоров, провёл Дни Вампилова в Иркутске, где написал стихи:

*Был Курбатов у бурятов.
А подпивший Передреев
Принимал их за евреев*

(Курбатов – критик, Псков).

Закончил полное переложение рифмованным стихом “Слова о полку Игореве”. Будет издано в подарочном издании в Иркутске в 1991–1992 г<одах>.

Может ли “День поэзии” опубликовать мой перевод-переложение? Не каждый день в Чите и России завершается такая большая – 1972–1987 г<оды> – работа, а? Ведь 15 лет труда...

Черкни мне – стоит ли выслать тебе срочно текст “Слова”¹⁸?

А вообще-то шлю стихи. Обрати внимание на “Твардовский в Забайкалье”¹⁹ – это стихотворение обошло “Октябрь”, “Лит<ературную> Россию” и никому не приглянулось. Почему? Боятся имени А. Т.?

Немного жаль, что стихи, ряд стихов, вот-вот появятся в “Лит<ературной> России”, есть там кое-что, надо бы отдать в “День поэзии”, да поздно – не снимать же их из набора. М<ожет> б<ыть>, уже напечатали?

Работаю. Много. Иногда хорошо. Очень хочу, чтоб поэтом, который “прошёлся рукой мастера” по моему “Слову”, был ты. Но это, видимо, для тебя лучше на более поздний срок, а?

Увидимся, когда будет заседание Совета по поэзии, оно, видимо, будет когда-то в конце 1987– начале 1989. Так я думаю...

Поклон от Даурии!

Твой Михаил Вишняков.
28 октября 1987.

ХІІ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Больно было читать злобную и обывательскую писанину в “ЛГ” против тебя²⁰. Явление сие, конечно же, не случайное – опрокинуть широкую массу поклонников Высоцкого (и-эх, российский народ!) на тебя, растоптать количеством “народного” гнева твою деятельность по собиранию лучших сил литературы и нации вообще.

Я, конечно, не наивный человек – думать, что “ЛГ” как-то посчитается с моей телеграммой, но и молчать не мог: в тот же день, как вышла газета, отправил на имя Чаковского такую телеграмму:

“Горько читать обывательскую писанину Евтушенко против Куняева зпт Литгазета 13 января тчк Материал мелочный тчк оскорбительный зпт рассчитанный дешёвую спекуляцию тчк Ещё раз убеждаемся зпт когда Евтушенко нечего сказать как поэту зпт он пускается любую общественную авантюру зпт политическую спекуляцию тчк Книга Куняева заслуженно получила высокую премию зпт написана тонко зпт глубоко зпт ответственно перед судьбой отечественной культуры тчк Сам Евтушенко тире апологет масскультуры зпт ничего подобного не создал зпт его гложет чувство неполноценности зпт личной профессиональной нищеты зпт сирости духа тчк Лисёнок зависти зпт претензии на духовное наставничество нации давно увели Евтушенко от коренных проблем народности зпт нравственности творчества тчк Отсюда нападки на творцов культуры зпт втаптывание грязь товарищей зпт политика раздора зпт шумихи зпт сплетен зпт личных амбиций тчк

Надо Литгазете дать возможность Куняеву ответить зпт защитить честь и доброе имя тчк Михаил Вишняков, член Совета по поэзии СП СССР”²¹

Я, Станислав, сочувствую тебе, предполагаю, как непросто жить, думать, бороться в окружении такой мафии. Пусть это письмо будет знаком, что ты не одинок в России, что есть ребята на твоей стороне. Даже не только ребята – правда на твоей стороне. А с ней ничего не страшно. Поклон тебе от Сибири!

Михаил Вишняков.

(Видимо, письмо написано в январе 1988 г<ода>.)

XIII

Дорогой Станислав!²²

Есть на свете такие места и события – духоподъёмные! – где одному даже как-то безнравственно бывать, эгоистично видеть всё и чувствовать в одиночку. Такое испытал я ныне в Бальджикане: 170 км от районного центра в узкой “щели” между границей МНР и заповедником Сохондо. Монголы на мясо не охотятся, а заповедник, сам понимаешь, заповедником. Так вот в эту щель набивается столько зверья, что уму непостижимо. Мой сосед по участку только в прошлом году добыл 12 медведей. Эти места в какой-то степени воспел автор “Записок ружейного охотника Восточной Сибири” А. А. Черкасов, незабвенный в среде охотников и через 100 лет. Он назвал эту щель “самым убиенным местом во всей Сибири”, а уж Черкасов-то знал Сибирь. Сейчас сей край задичал, задебрился совсем, золотые рудники закрылись, сёла разбежались – хребты, дарьялы, дебряки (моё слово), ямы и чашины с буреломом, тёплые прогретые увалы (весь ноябрь +2 – +15 градусов), золотой корень, маралий корень, карагана золотистая, ковыль-волосатик. Тайга – чернева, гольная лиственница, только у гольцов – кедрачи соболиные. Много было медведей-шатунов, ягоды и ореха не было, не нажировали, долго не жились. Слава Богу, ни мне не попался, ни я им, ибо ружьё (скряга-охотовед не дал карабина!) у меня – новая мелкашка, идиотское оружие, белку не пробивает насквозь, рябчик улетает. Да был ещё 32-й дробовик да пара лаек. Белки нынче не было, так что денег не заработали со своим братом. Я поразился идеальным условиям быта: широкое зимовье с двумя нарами, кирпичная печка (топили только вечером), лампа с цистерной солярки – жги свет хоть до утра (солярку бросили приискатели), баня, хрустальный родник с дебетом 1 ведро за 20 сек. Дрова нам напилит проезжий штатный промысловик “Дружбой”. Выйдешь утром из зимовья – перед глазами косули: там – две, там – три, там – четыре бродят по увалам. Там по хребтинке – стадо изюбрей, там – волк гонит лису к зимовью, там – лайки схватились с рысью... Штатные – волчары лютые: у них карабины СКС, трёхлинейки с оптикой, по 2 лошади, “Буран”, старенький “уазик”, либо “Победа”, 8–10–12 собак. Зверей не стреляют абы где, а подгоняют собаками туда, куда подойдёт вездеход за мясом. Капканят так: убивают косулю либо изюбря, нарубят топорами до кровищи, волокут по пади км 5, потом закидывают буреломом и ставят 10 капканов вокруг. Всё идёт по этой кроваво-шерстяно-брюшинной дороге: лиса, волк, рысь, росомаха, колонок, соболь. Таких “точек” штук 10–15 – вот

и вся капканная охота. Во всех, даже самых убойных местах — тропы для лошадей прорублены ещё лет 200 назад. Ездят промышленники на лошадях, не торопясь, там пальнут, там снимут пушнину — не охота, а заготовка. Зато уж мы, любители, — я конкретно — вёл настоящую охоту, 5–6 выстрелов, рёв, крик, шапка — на кусту, очки — на коряге, рюкзак, патронташ — под косоугором, с погоней, добиванием, дорезанием ножом, все руки и морда в ссадинах, одежда порвана, патроны растеряны — уфф! Азартный я, чёрт побери! Такой праздник был на 7 ноября: ухлопал изюбря, кое-как принесли стегно, нарубили котёл свежего мяса, неожиданно нашлась чекушка водки, трещит печь, булькает мясо в котле, а вдобавок к кайфу — ещё и ты читаешь стихи в транзисторе да дед Миша Дудин, остальных я слушать не стал. Всё зимовье исписал частушками типа:

*Запрещает госпромхоз
добывать по многу коз.
Вот и хлещем почём зря
кабана да изюбря.*

*Хорошо в тайге живётся:
мясо есть и стол готов.
Хорошо с устатку пьётся —
нет ни тёщи, ни ментов.*

*В тайге особые законы
и масса всяческих примет.
Гонять по северу загоны
умней собака, чем поэт.*

*Как поспешишь — так насмешишь.
Учись терпенью, молодёжь:
в капкан, поставленный на мышь,
своей ногою попадёшь.*

*Из Москвы или Читы —
каждый здесь поправится.
Мясо ешь и пей панты —
это бабам нравится.*

*Если нету табака —
нюхай зад у колонка!*

*Зверь уходит на отстой,
а косуля — в чащу.
От тебя же дух густой —
умывайся чаще!*

*Когда спешишь на переход,
не забывай про сошки.
Иначе пуля попадёт
по ножке ***давошке.*

*Такое разум не осилит,
такое может лишь присниться:
стоишь бахилами в России,
а можешь писать за границу.*

*В тайге киринской без дороги
не уставали вы шагать.
Ах, ноги, ноги, мои ноги,
позвольте руку вам пожать.*

Забыл про стенокардию и вообще про сердце. Загорел, окреп, взвеселился духом, голубели хребты, сахарно сверкали гольцы. Почему-то здешние козлы и косули от испуга бьявкают, раз насчитал 84 крика гурана подряд. Много атласно-чёрных воронов, ибо отходов от охоты много. Есть соколы, видимо, зимуют на границе МНР и СССР. Стояла летом конеферма, так лошадей не смогли собрать в табун, чтоб угнать на мясокомбинат: одичали, и их гоняли по тайге, стреляли, как зверей, из СКС – чудно! Особые и наледи: фышкают, урчат, фукают, трещат, воют, стучатся под зимовье – страх. Пережили сильный ветряной смерч – чуть не раскатало наше зимовье, порвало полтайги с корнем. Волки ночью выманили кобелька – порвали на рукавичные лоскутки. Я истрелял 250 патрончиков, 42 пули, 12 картечных зарядов. Брат – ещё больше, ему нынче юморно не везло, чуть косули не растоптали, зайцы над ним издевались (что-то с порохом в его зарядах, м<ожет> б<ыть>, не качественный, стреляет – а всё от него улепётывает). Буду писать очерк “Тропой Черкасова” для иркутской книги экологической. Вообще охотники называют Тургенева и Толстого “свистунами” – много вранья, в авторитете Черкасов и Дрянский с его “Записками мелкотравчатого”. Моё зимовье так и прозвали – “писательское”, заезжают, как в избу-читальню, – так вот вошёл в историю. Это похлеще там “Нового мира” либо парижских изданий. Бодр, силен, работоспособен, не могу видеть эти дни “эту vonючую цивилизацию”, твоей речи в Рязани ещё не читал, мне говорили. О твоих стихах: брат, читая, часто повторял попа-батюшку из “Угрюм-реки”: “Зело борзо” – это его высшая похвала. Читал медленно, переспрашивал: а что это значит, а на что намёк, а как это на вашем языке? Говорил: что-то умно шибко, а это – для вашего брата, ну-у, и нравы у вас, сильный мужик, а чё он клянётся-то землёй – она ж не клятва, говорил: далеко зазорил (от зреть), про мать как-то необычно, а про женщин – мало. В общем и целом ему всё это “Зело борзо”, с чем я тебя и поздравляю, ибо – глас рядового читателя.

Особенно нас умилил и привёл в восторг вопрос одного старого охотника, лет ему 65: “А чё, правда, что Брежнев-то помер?” Вот тебе и перестройка, и всё прочее. Как велика Россия! А ещё упорный слух, что Гагарин и не разбился совсем, а уехал (так и говорят: уехал) куда-то на Луну. А ведь как от природы сметлив, умён, жизнестоек, даже хитрощ местный промысловик! О чём-то знает лучше нас, быстрее, прозорливее, а о чём-то – дремучая неинформированность и нежелание даже знать вообще это. Дома у меня нищевато по части денег, посему, м<ожет> б<ыть>, в Москве буду нескоро. В Чите тягостно, даже напечатал я стихи в газете:

*Бетонный плац на месте площадей.
Исполнилось коварное желанье:
Чита — не место жительства людей,
а тайный полигон для выживания.*

Пишу, думаю, веду молодых, идей много поэтических, художественных, идеологических, и, конечно же, думаю уже об охоте в 1989 году!

Твой Михаил Вишняков.
1 декабря 1988.

Р. С.:Класс охотников:

с 1-го выстрела – разила;
со 2-го – мазила;
с 3-го – бомбила;
с 4-го – муд...а.

Я чаще проходил по 4-му классу.

XIV

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо за доверие – читал твоё выступление на пленуме²³ с чувством непреходящего интереса, внутренним согласием, полной поддержкой твоей позиции, которая “наша позиция”! На мой взгляд, мы сейчас переживаем

совсем небывалое время, ему нет аналогов в истории. Можно говорить почти всё, но лучшие писатели России как бы задумались и не спешат бежать вслед за газетами. Пока не появятся новые серьёзные труды Распутина, Белова, Астафьева, Куняева, Исаева, Кузнецова, серьёзный читатель и аз грешный вряд ли похлопают в ладоши всему, что видим. Мой сын после просмотра серии теледетективов “Спрут” сказал: “Да какая там мафия в Италии с их 200 миллионами! Мафия-то у нас – с 4-мя миллиардами. Эти итальяшки просто пацаны перед нашими узбекскими ворами!”

У меня большая радость. Газета “Забайкальский рабочий” в шести номерах опубликовала мой 15-летний труд – наше русское “Слово о полку Игореве”. Где-то в 1992–1993 году в Иркутске в подарочном издании (на московской полиграфической базе), с гравюрами сибирских художников, может быть, со статьёй кого-то из учёных, с поколенной росписью русских князей и т. д. мой вариант “Слова” будет опубликован отдельным изданием. Издательство дало согласие, оно очень заинтересовано дать “сибирскую” книгу “Слова”.

Дорогой товарищ и брат мой, есть у меня просьба: прочти с замечаниями по самой поэзии, по качеству стиха, ибо хотелось бы ещё поработать с учётом замечаний. Я, честно скажу, в поэтическом мастерстве доверяю превосходству над собой очень и очень немногих, может быть, одного-двух поэтов, из которых первый – ты. Это никакая не лесть, я могу порой не соглашаться с твоими идеями, но по качеству стиха ты достиг просто невероятных результатов. Тебе я поверю, ибо в “Слове” надо бы быть на уровне автора “Слова”, хотя бы как-то приблизиться к не позорному для себя пониманию: сделал всё, что уж мог, на сколько было сил и дара. Я понимаю, что и загружен ты, и т. д., и всё же прошу: черкни мне письмо о моей работе. Обнимаю.

Михаил Вишняков.
31 марта 1988.

XV

Дорогой Станислав!

Рад послать тебе живую весточку: сегодня прочёл № 7 “Нашего современника” с твоими стихами²⁴ – рад чрезвычайно публикации “Размышлений...” Бескомпромиссно, жёстко, убедительно с художественной стороны. Конечно, сии мысли уже высказывались в публицистике “НС”, они носились, как говорится, в воздухе. Но... одно дело – мысль, другое – её воплощение в художественной структуре, в лично-исповедальном творении “свободной стихии”. Поздравляю с этим в чём-то “манифестальном” произведением! Я, конечно, частично тёмный человек, меня лишь смутила некоторая, может быть, уязвимость привязки “детей Николая” к трагедии русского народа. Вероятно, сказывается некий консерватизм мой, разделение надвое: душа-то страдает о событиях в Ипатьевском доме, но ум то ли в плену революционных представлений, то ли в историческом разумении, размыслили: надо ли, не надо ли?²⁵

В Новгороде познакомился с Татьяной Глушковой, она подарила мне книгу критики “Традиция – совесть поэзии”. Почти полтора месяца читал и помаленьку – по ходу! – писал ответ. Особенно резко не согласился с её последней статьёй в части разговора о твоей поэзии. Не в том дело, что тебя считаю другом, не в том, что люблю твоё творчество (любовь может быть и слепой!), не в том, что бьёт она по своим, – в непонимании вектора твоего творчества. Такой, в общем-то, дьявольски умной и изощрённой женщине непростительны такого характера пенки... В частности, сыр-бор у меня даже из-за такой строки, как “Сладкий дым ангарской целлюлозы // величавым облаком плывёт”. Она утверждает, что здесь у тебя гимн из-за эпитетов “сладкий” и “величавый” – хотя бы ты воспевашь железную поступь промышленно-сти. Но, как я понимаю, – это же у тебя критика, художественное неприятие. И вот почему: “сладкий” – просто точное, информационное, а не образное слово. А “величавый” мне видится в такой позе: вот до чего докопали, что этот дым уже стал величавым, великим, претендующим на попираание естест-

венного, природного... Это, вообще, твой “фамильный” приём образа-анти-образа. И твоя знаменитая мысль: “никто не поймёт, // что за песню в пустых колокольнях // русский ветер протяжно поёт”, — мне как раз говорит, что ПОЙМЁТ автор, а через него — народ. Это, м<ожет> б<ыть>, у тебя от Есенина, писавшего: “Не жалею, не зову, не плачу”, — а мы-то чувствуем, что и жалеет, и зовёт, и плачет. Что даёт ключ к такому прочтению? Музыка, интонация, эмоциональный вектор. Только глухой человек может поверить логическому “не”, поэтическое тут — “да”. Это же есть в твоём “Воспоминании”, которое логично можно бы прочесть как *воспевание* коней, поездки по ночной России, жуткой радости и т. д. Но по боли, по эмоциональной стихии — не *воспевание*, а *драма*, м<ожет> б<ыть>, даже трагедия бытия в форме оды. Вообще читателю надо быть чрезвычайно внимательным: где Куняев выдаёт просто информацию, а где — образ. Если ты напишешь строку “Тёмная деревня” — надо слушать, ЧТО ты хотел сказать: либо без огней в темноте, либо тёмная духовно, интеллектуально, просветительски и т. д. Эти, пожалуй, прописные истины надо бы знать Татьяне Михайловне...

Сегодня звонил Распутину, он вышлет тебе “Литературный Иркутск”, поделись с Глушковой (если она верно выразилась — вы с ней в хороших отношениях). Я сильно рад, что ты знаком с Валентином, у нас с ним о тебе разговоров не было, я думал, вы отдалённые знакомцы.

Вообще борьба разгорается не на шутку. Что ж, мы её не искали, нас к этому вынудили. А посеявший ветер — пожнёт бурю. Если в наших поколениях нас где-то 30–35%, то в поколении моего сына будет свыше 50% русских интеллигентов. Пелена спадает с глаз. Вообще-то надо бы где-то привести цифры в процентном отношении погибших и репрессированных, боюсь, что именно нас и вырубали. Кстати, в гражданскую войну погибло не больше сотни, допустим, бурят и десятка два-три якут. Это не к тому, чтобы обвинить бурят или якутов в “малой крови” за большое счастье. К размышлению КТО есть КТО в Отечестве, истории, прошлом и будущем. Да-а, а ведь вроде “НС” рекламировал (кажется, и Глушкова писала), что в № 7 будет не твои стихи, а статья. Что с ней? Взял на доработку? Новые аргументы явились? С. В. сдал назад? Заставили сдать назад? Рад бы снять все эти вопросы.

Я на имя Михалкова от имени бюро заслал бумагу о 20-летнем стаже Викулова на посту гл<авного> ред<актора> “НС”, надо как-то поощрить бы деда, многое он содеял во имя литературы...

Не хотел писать о себе, да... уж куда деваться. В “Советском писателе” с конца не то 1978, но то 1979 года лежит моя рукопись “Сибирский свиток”. Сколь ни бываю в Москве, поймать Храмова не могу. Говорят, он должен уйти в “Новый мир”? Планировали, вроде, на 1990, но ни писем, ни-че-го. Об этой рукописи было 10¹⁹ разговоров, и Числов знает, но молчит, и зав. редакцией знает, но молчит. А у меня в ближайшее время (5–7 лет) никаких иных расчётов на издание не было, всё надеялся на “Сов. писатель”, на порядочность и т. д. Как говорил Есенин: “Куда пойдёшь, кому расскажешь на чьё-то хны...” М<ожет> б<ыть>, будучи в “Сов<етском> писателе” (если удобно), спросишь, подскажешь: пусть хотя бы ответят...

Вообще-то живу грустно, поэзию в провинции мечтают “скостить” до 2–3 сборников в год, издавать поэтов раз в 8–10 лет.

Меня сейчас в Чите уже нет (образно выражаясь), я сейчас уже в тайге, не то на кедровом промысле, не то на пушном. Пока сила не ушла, ещё поеду ныне с 1 сентября в Чикой (долина реки староверов), недели на 2, а уж в отпуск — с 25 октября, на охоту. Как сладко пахнут слова: капканить, патроны, лайка, ловушка, белка выходная, соболь выкунился, зимовье, лёд нарубил, сдуплетил, увал, грива хребта, ключ в падушке (падь малая). Эх-ма, радость наша невеликая...

*Страсти Арбата — всегда о прокорме,
страсти России — всегда о душе.*

М<ожет> б<ыть>, из этих двух строк выйдет стихотворение.
Будем жить, думать, писать, строить Отечество.

С поклоном —
Михаил Вишняков.
30 июля 1988.

XVI

Дорогой Станислав!

Да благословится наша почта: в последний вечер перед отъездом в тайгу собираю рюкзаки, входит жена (с работы шла) и получила твою книгу²⁶. Сел, залпом кое-что прочёл, положил в рюкзак, буду смаковать в зимовье в верховьях Онона, на самой монгольской границе, в хребтах. Что успел ухватить про “детей Арбата” – в журнале лучше, энергичнее, м<ожет> б<ыть>, в последующем вернёшься к журнальному варианту. Меня всегда смущала твоя неточная рифма: узде – Улан-Удэ, т. е. “де-дэ” – внутри не по-куняевски. Оказалось, что истинная-то рифма “Улан-Удэ – НКВД”, и всё встало на место. Очень понравилось “За войну одичавшее племя”, “Иная” жизнь, про солдата ракетных войск в церкви, памяти матери – это то, что успел проглотить. Об остальном напишу после возвращения, дней через 20–25, будем читать со старшим братом: интересно, как ему вообще поэзия? А тебе за книгу – самый низкий поклон, братнее спасибо.

Отплатить тебе книгой пока не могу – где и кто издаст меня? Посылаю самое свежее, м<ожет> б<ыть>, ещё неустоявшееся, никому не читанное, не обдуманное внутри себя. К тебе вопросы: 1) “Шумно в журналах” – нужен ли эпиграф из тебя? Нет ли чувства малой художественности? Стоит ли вообще дотягивать – т<о> е<сть>, есть ли тут тема или всплеск – и только? Мог бы ты, допустим, кому-то показать стихи “Земное сердце” и “Тайное небо Отечества” – мне кажется, там что-то есть, из поэзии это.

... Всё мечтаю отстать и от суеты (даже читинской), уехать в деревню и написать что-то глубоко природное, тютчевски-глубокое, саднящее и примиряющее. Всё ж город закручивает меня в социальность и т. д. В слишком не лирические ритмы. А потом – очерки, а потом – всякие предисловия для местного издательства, полемика местная, экономическая, социальная, радио и ТВ. Только теперь где-то понимаю, что я – поэт настоящего лирического дара. М<ожет> б<ыть>, долго шёл не теми дорогами – так буйно судьба закрутилась.

Всё – заканчиваю, надо успеть дособраться, завтра в 8 утра подойдёт “уазик” и... аж сердцу сладко поет – где завтра буду!!!

Поклон от синих хребтов и ещё хрустальных ручьёв!

Твой Михаил Вишняков.
24 октября 1988.
г. Чита.

XVII

Дорогой Станислав!

Ты и не можешь представить себе ситуацию: время – 11.15, до Нового года осталось 45 минут, а я сижу и печатаю тебе письмо. Высоко же поднялся твой авторитет в моём доме... Это, конечно, шутка, но факт: встречаю праздник тихо, домашним кругом, в перерывах между небольшими глотками шампанского (запасов – всего одна бутылка), супруга отлучается на кухню, а я курил-курил да и решил поговорить с тобой. Ну, за столом я восседаю гордо: удалось в 88 году перепрыгнуть себя – т<о> е<сть> совершить где-то 14 книжно-журнальных публикаций: “Байкал”, “Наш современник”, “Сибирь”, “День поэзии-88”, “Час России”, антология о любви “Гори, письмо любви”, где второй раз напечатался с Пушкиным совместно под одной обложкой, “Полярная звезда”, “Литературная Россия”, книга о границе “Забайкальские заставы”, книга публицистики о Байкале “Байкальская сторона”, два-три предисловия к молодым, два-три послесловия к старикам и т. д. Плюс “Слово о полку Игореве”... Здесь ты хмыкнешь: мол, матушка-провинция, всё жалуется, а ведь прёт буром!

Сегодня в 4 часа дня закончил большущий очерк “Тропой Черкасова”, выправил опечатки, завтра отошлю в книгу в Иркутск, потом буду посылать в районную газету (надо помогать ребятам-районщикам), потом, м<ожет> б<ыть>, в “Охоту и охотничье хозяйство” либо в какой-то сибирский журнал. Получился не очерк, а документальная повесть на 45 страниц. Тебе пришлю экземпляр обязательно, чтоб надыхался синь-студённостью и золотом

забайкальской земли. Сегодня звонил воспетый мной брат Иван, я сказал, что Куняев вроде бы всерьёз решил повидать Забайкалье, он там чуть не подпрыгнул у телефона! Надо, дед, надо, пока ноги носят, плюнуть и, как было у тебя: **“Где встретимся? В устье Каниза”**²⁷, – и ещё раз перед смертной периной почуять себе мужиком. Значит, такая судьба была у нашего поколения: не только быть умным, глубоким историком, исследователем, но и **практическим** деятелем жизни. Вишь, как я на пророческий тембр настроился...

Идёт бешено-рекламная травля Вишнякова, 4 раза жгнул меня “Забайкальский рабочий” да военная “На боевом посту” за стихотворение “Награды – дым!”, напечатанное в читинской молодёжке (перерыв до завтра).

Нам-то с тобой что надо – зацепиться какой-то зазубринкой за народную жизнь, за интеллектуальную мы зацепились, все ж – мыслители!

О стихах, звучат так:

*Люди бредят звонкими наградами,
ждут указа, ходят в поклон.
Ах, как этих папуасов радует
блеск стекляшек, побрякушек звон.
От обиды челюстями клацают,
изменяют взгляды и лицо.
Провертеть бы дырочку на лацкане,
вставить в нос почётное кольцо.
Стать лауреаткой по замужеству,
медалисткой быть не по труду,
иль, жируя на солдатском мужестве,
выбить генеральскую звезду.
Гражданин своей усталой родины,
я скажу, работая весь век:
человек, не выпросивший ордена, –
самый честный в мире человек!*

Что тут началось! Совет ветеранов на пленуме призвал: “Все на борьбу с Вишняковым, как на борьбу с Деникиным!” Партийная конференция области (а это серьёзное событие в провинции!) чуть не приняла резолюцию. А директор филармонии звонит: “После Аллы Пугачёвой с этим стихотворением ты вышел по популярности на второе место”. Бедная городская Русь – как здесь всё перекошено! А я странно-весел, безответственно-бодр и работоспособен. Душа переполнена каким-то неизъяснимым счастьем полноты понимания: что со мной и Отечеством, я знаю. Внутренний жар обещает книги, стихи, думы, дела. Практические беды перевариваются в художественное сознание (садисты мы всё же, поэты!). Помнишь Сашу Чёрного? У поэта умерла жена, он пришёл и написал стихи: “У поэта умерла жена”.

Равновесие и духоподъёмность я связываю с месяцем скитаний по Бальджикану, этой жемчужине приключений, борьбы, слёз и юмора.

Спасибо за присылку полного текста²⁸, кое о чём я догадывался из того куцега отчёта, ЧТО пропущено. Впрочем, мысль о легализации малого народа – не чисто ловкий и удачный ход, а действительно серьёзная вещь. Что-то же надо делать, итог-то какой-то русская позитивная философия и социология должны выработать. Не тратить же силы ещё лет 200 на еврейство? Выселить – нельзя, вырезать – преступление, на которое Россия не пойдёт. Ассимилировать – не получилось. Я не наивный человек, но вечно подвешенным этот вопрос быть не может. М^{ожет} б^{ыть}, ты первым попытался дать гипотезу будущего в этом деле...

3 января. Сегодня в СП получили бандероль со стенографическим отчётом со съезда СП СССР. Заново успел прочесть Распутина и тебя. Надо почаще обращаться к этому документу (отчёту) – видно, кто и куда гребёт. Об охоте. Надо будет в течение года постепенно списываться, ибо очень уж я ответствен. Раз подбиваю человека, надо обмыслить, куда, чтоб экзотичней? А вдруг привалит белка? Это же заработок! На Север или южно-монгольские, или южнокитайские хребты?

Какое у тебя ружжо? Какая есть возможность взять из Москвы что-то? У нас идёт перевооружение, карабинов не хватает. Конечно, можно и достать, но... есть ли какая возможность что-то иметь с собой? У вас там есть, гово-

рят, охотмагазин в какой-то “сторожке” — то ли “Соломенная”, то ли ещё какая-то — так, видимо, зовут микрорайон Москвы? Нас сильно оголили последние пожары — спрятанные в дуплах, погорели сотни и тысячи штуцеров, карабинов, винтовок, кремневых ещё фузеек! Были ружья, били на 1–2 км — вот тебе и ствол кремнёвки!

Потом — наш принцип: ну, не нахлестал кучу мяса и пушнины, ну, и что? Главное — приключения, поэзия, погоня, выслеживание и т. д. Вот нынче пушнины было мало, а уж приключений — ого-го! Я, думаю, вряд ли ты будешь сердиться на меня за то, что — ну, вдруг! — добудем мало. Гарантировать что-то в тайге трудно. А то вот друг из Чернигова пишет: “Гарантируешь 10 соболей?” Ну, как я могу гарантировать? Почему об этом пишу, ибо знаю, что ты в тайге не впервые: м<ожет> б<ыть>, ты с каждой охоты привозил вагон мяса и пушнины, а про Вишнякова потом скажешь: “Свистун несчастный! Мотались много, а добыли мало...”

Завтра лечу в Иркутск, м<ожет> б<ыть>, увижу Валентина Григорьевича — то-то радости говорить с ним, даже помолчать вместе — душа светлеет!

Не болей! Главное, что растут ребята, у меня такие орлы в литобъединении, учатся в Литинституте, знают жизнь, силищи у них много, русаки природные, коренные сибиряки! Повоюем, Станислав Юрьевич!

С поклоном от себя и лайки — белого Байкала!

Михаил Вишняков.
31 декабря 1988.
г. Чита.

XVIII

Добрый вечер, Станислав Юрьевич!

“Вечер” — потому что в Чите действительно догорает сизый меж хребтами и алый поверху закат 12 декабря, последний день 3-дневной отдыхаловки, завтра на работу. Завтра я с утра должен ответить губернатору “да” — т<о> е<сть> смещение с поста пресс-секретаря и переход на должность референта по вопросам культуры — или “нет” — значит, на улицу. Я отвечу “на улицу”, потому что... не знаю, почему... Вы ж написали или кто (сегодня только пришёл “НС”) — в нём? А-а, это у Воронцова в “Площади революции”: “смерть на миру красна”.

Пишу по поводу вашей эссе-мемуаристики “Поэзия. Судьба. Россия”. Наслаждаюсь ароматом времени, именами, и — как ни странно! — своей юностью, ибо всё, о чём вы пишете, опоздав из Москвы, Калуги, Иркутска на сколько-то лет нашей разницы, пришло в Забайкалье в мои годы. Мы с моим товарищем инженером-конструктором (позже, уже в Чебоксарах он изобретёт на тракторном заводе “ёлочку” для микрохирурга Фёдорова) в шестьдесят, кажется, четвёртом, как и вы, писали заявление в военкомат с просьбой отправить нас во Вьетнам добровольцами (эти сволочи-янки стали бомбить Ханой!). Нас так же благодарили и сказали: “Пока не нужно, но будет нужно — пригласим!”

Нечто вроде ожога вызвал абзац на с. 119 “По истечении десятилетий” — о “полужурналистах, полуактёрах” и т. д. Сижу и чешу макушку — как точно, удивительно правдиво и... не знаю, как тоньше аргументировать — нет! точнее — развернуть вашу характеристику: да, мне обидно, что многие знания я почерпнул не из “хрустального первоисточника” истинного знания, а от них, этих полу... Так и знания оказались полу..., а с другой стороны — от кого бы я мог узнать о том же Мандельштаме, Рублёве, Бунине, Васильеве, Ахматовой, Булгакове, Клюеве (Орешина я знал), о большой белоэмигрантской литературе? Что это было за явление? Почему среди них большинство — “недоучившиеся студенты”? Система выгнала? Сами сломались? Пошли по миру “народничать”? Сейчас таких оригиналов не встретишь. Они несли и вирус брожения, и вирус просвещения, были в большинстве людьми морально не качественными: пьянство, тунеядство ради оно, цинизм, безверие и... какое-то дьявольское знание иной правды, чем знали мы. И что сие знание? Тут такой клубок раздумий, противоречий, многовариантности и толерантности, и чёрт знает что ещё!!! М<ожет> б<ыть>, вы для издания отдельной книгой

как-то развернёте характеристику этого явления, уж больно исторический и экзотический матерьял.

Восхищённо завидую вам – в упрёк себе: много видели мои глаза, но мало воспринимали разум и душа. Есть, т<о> е<сть> были потрясающие судьбы у меня “под рукой”, ума не дошло разговорить, записать, запомнить и т. д. Всё-таки Иркутская область хоть как-то была открытой, Читинская – совсем закрытой. Раззуженный вашими деталями, хочу вернуться к 4-5 страничкам моего рассказа “Виноват в смерти Сталина”, заброшенного по причине моей обречённости на жанр “забрасывания” повестей, рассказов, поэм, стихотворений. Одно частично спасает – не выбрасываю черновики.

Вот недавно Володя Топоров сообщил, что где-то издаётся что-то про Рубцова, дал адрес. Я раскопал черновик, дописал четыре строки, отправил. На мой взгляд, терпимо по качеству:

*Не придавайте значенья
разным печатным словам,
верьте лишь послесвеченью
дара, сиявшего нам.
Светлой и ласково-грустной
тянется памяти нить,
всё не умея по-русски
выразить и объяснить.
В это народное лето
знаком эпохи былой
столб незакатного света
долго стоял над землёй.
За горизонтом вечерним
был он серебряно-ал.
Кто это послесвеченьем
нам в темноте просиял?
Чья это там золотая
точка на звёздной оси?
Самая жгучая тайна
неосвещённой Руси.*

Исходя из сего примера, видимо, в декабре допишу “Виноват в смерти Сталина” и вышлю вам – вдруг пригодится, а?

Теперь ещё одно соображение: что бы ни говорили обо мне, о десяти годах во власти, изреку следующее: да, поэт имеет право творить, не побывав во власти, у поэта всё решает метафора, эмоция, синтез и т. д. Но если прозаик не работал во власти, его проза – чушь, наивная тургеневщина. Прозе нужен матерьял, детали, психология, типажи, диалоги – т. е. профессиональная речь и т. д. Зачем? Это, как ни странно, одно из ключевых понятий – власть – в современном обществе. Все творцы, вся интеллигенция насочиняла о власти много мифов. Она не хуже и не лучше, власть-то! Она просто реально страшнее и милосерднее, подлее и добродушнее, всепроникающая и никуда не проникающая, плюющая на писателей и страшно боящаяся писателей, насочинявшая со страха таких мифов о писателях, что, зная это, писатели бы ухототались на всё XXI столетие – поверь мне. Начал я что-то такое (“Приватизация ада”), которое, вероятно, не закончу никогда. Такой материал, что шарик за ролики заходят: Достоевский плюс Булгаков плюс бравый солдат Швейк плюс Бабель плюс “стулья” и “телёнок” плюс Библия и т. д. и т. д. Пишу так, как будто мне ещё предстоит прожить лет 40–50, хотя это неверно. Как ответил на мой вопрос: “Жить-то с этими болячками можно?” – один доктор-юморист: “Жить-то можно, но желательнее недолго”. Всё ж я и так долгожитель по сибирским меркам (уже 55!). Сибирь свою дань собирает водкой, махрой, стужей, бесшабашностью, одиночеством и т. д. Впрочем, как и <вся> Россия.

*Завтра я постарею,
только ты не старей —
около Зун-Торея,
там, где Барун-Торей;*

*там, где промчались ливни,
эхом громов трубя,
где я любил, счастливый,
Родину и тебя.
Отзолотело тело
Азии золотой.
Рыж, булан, изабелов,
стал табун на постой.
Завтра нас всех побреет
вечности брадобрей —
около Зун-Торея,
там, где Барун-Торей.*

Итак, десять лет во власти и неизданные рукописи: том прозы — стр<аниц> 520, детская книжка, сказки, болтомохи, книжка песен, одну даже поёт Кобзон, но “без божества, без вдохновенья” — как старательный ученик по нотам. Всяких рецензий, предисловий, мемуаров, откликов и т. д. наберётся на том критики, нет литературоведения либо истории — чёрт знает какой всяко-яко литработы. Одно время всё это, неизданное, давило и глухо обидало. Сейчас остыло, махнул на всё рукой: у власти я денег не возьму (долго потом руки отмывать), а где, в каком другом месте лежат деньги, всё как-то не удосужился разузнать. Может, оставшись без работы, и “когда жареный петух клонет” — гляди, что-нибудь и издам.

Что ещё? Не пью. После смерти брата-охотника не был в тайге 3 года. Выучился сам работать на компьютере. Съел зубы на политике, есть даже два доклада на научно-практ<ической> конфер<енции> “Власть и общество”. М<ожет> б<ыть>, подамся в какие-нибудь собкорры столич<ной> газеты, не знаю — семью-то надо кормить, как и любому. М<ожет> б<ыть>, Лужков чем-то поможет, мы тут на БАМе познакомились. Планов на “вольную жизнь” — громадье! Тебе и всему “НС” — низайший поклон за великое дело держания знамени русской литературы и русской общественной мысли. Знайте: вы не одиноки на Земле!

Ваш Михаил Вишняков.
12 декабря 2000.
Чита.

XIX

Станислав Юрьевич!

Вероятно, очень замученный народ придумал пословицу, в которой “молчание — золото...” Т<о> е<сть> самое преступное — лишение человека языка и гласа — объявлено народной мудростью золотом. Вот и я неделю смотрел на твоё письмо со слезой на глазах и надсадным чувством изгари в душе. Что ответить, когда в письме слышен отчаянный вопль о помощи журналу, вижу, что бьёте вы, как в глухую стену, а ответ — молчание²⁹. И, собирая всю волю в кулак, не нахожу сил и аргументов в оправдание — т<о> е<сть> аргументов, которые будут поняты. Действительно, Читинская область живёт на Луне. Мы да Тува по всем таблицам в РФ занимаем уже более 10 лет самое последнее место. Устали от безысходности. Сам факт подписки на “НС” вызывает подозрение. Дам почитать журнал — горячо жмут руку, но подписать, да ещё на все библиотеки — отводят глаза. Во-первых, нет русских людей во всех правящих структурах (упр<авление> культуры, директора библиотек, аппарат власти в районах, в школах, ведомственных клубах и т. д. и т. д.). Резко упало доверие ко всякому печатному слову, областная газета еле-еле наскребает 12 тыс<яч> экз<емпляров>. Находится на дотации администрации. Я выпускал “Читу литературную” — 1 тыс<яча> экз<емпляров>. Почти 95% тиража раздавали бесплатно — даже по 1 рублю не покупали. С треском провалились все попытки выпуска книг — только бесплатная раздача тиража, чтоб не пылился в типографии. Вот почему я сам не издаюсь с 1988 года — 14 лет скоро будет. ТВ заместило всё, угрюмо уткнувшись, смотрят “счастливую жизнь” перед страхом собственной нищеты. Никакого Первого партизанского

отряда в Забайкалье не соберёшь. Народ плюнул на всё – день прошёл, и ладно. Поголовное, беспробудное пьянство. В моём подъезде – 5 мужчин. Вокруг вдовы и вдовы да старые девы, да девчонки малые на игровых площадках. Мужчина почти вымер: 50% – в армии, 50% – в тюрьмах. Даже евреи и мусульмане Читы стали спиваться. Кадров нет, вся инфраструктура проржавела и догнивает. Владивосток – цветочки, ягодки будут в Чите да в Туве. “Наворовал – уехал” – поголовная психология всех, кто ещё что-то соображает. Вот сейчас моя младшая дочь Лена находится в Москве, на каких-то медкурсах перед защитой кандидатской диссертации. Боюсь, наглядится там нормальной жизни – не вернётся в Читу – врачи нужны и в Москве...

Всё, написанное выше, не значит, что я лично помирать собрался, хотя, честно говоря, какой смысл в такой жизни?

Зачем присылали гонорар? Этого не надо делать, ибо “НС” – не благотворительная организация, лучше бумаги закупить впрок.

Хорошо, что вернулись к “читабельному” шрифту в стихах. Хорошо, что напечатали о Приднестровье. Никто мне не запретит перепечатать кое-что из Ганиной³⁰ в газете, которую дал согласие редактировать – “Народный депутат Забайкалья”, пока 6 тыс<яч> экз<емпляров>. Наш СП – клуб графоманов, где руководитель – мент-очеркист на пенсии, пойду узнаю, куда он деваёт “НС” – не выбрасывает ли на мусор? Какой-то реальной помощи от Читы не жди – нет людей, просто нет. Что-то я сделаю и – всё. Когда 99% прессы и вообще людей с высшим образованием – не русские, о чём речь? Это всё равно, что биться за читателя в Мудене или Хух-Хото...

Прости за то, что высказал. Был бы я романтический придурок – написал бы чего-нибудь оптимистического. Моё письмо, как “Репортаж с петлёй на шее” – врать поздно, иллюзии питать – преступно.

Стихи есть и будут, страшно перепечатывать: такой чёрный гул в голове:

*Сейчас в России время не для русских,
мы — эмигранты в собственной стране.*

Спасибо за всё, что делаешь для России. У меня бы не хватило сил. Дай тебе Бог здоровья и воли!

Михаил Вишняков.
25 ноября 2001.
г. Чита.

XX

Такого я не ожидал даже от тебя – прислать в какую-то читинскую пошехонию свой 2-томник³¹, в наши дни это почти фантастика! Говорить какие-то слова не в силах от благодарности. Почти двое суток с коротким перерывом на сон сидел, чтобы успеть прочитать, как будто боюсь, что отберут или война начнётся... Журнальный вариант – одно, книга – другое. Первое полное впечатление: это – “Путешествие из Петербурга в Москву”, только духовное, по силе фактов, анализа, точности, памяти, пророчеств, стыда и ужаса перед “открывшейся действительностью” или бездной. Тяжёлая и страшная книга про “чудище обло, озорно, стозевно и лайй” – современное еврейство и жидовство. Действительно, “линия обороны”.

Это письмо буду писать несколько дней по причинам: 1) Старею, стал болтлив, твоё время надо беречь, формулировать сжато, веско. 2) Зная твоё “беспощадное отношение к современникам”, боюсь наговорить пошлостей и глупостей, если это так – пусть будет их меньше и короче. 3) О многом я и ты знаем одно и то же. Я на 100 процентов разделяю позицию, хотя в чём-то и покруче приходилось за 10 лет на посту пресс-секретаря губернаторов... боюсь, как сказал гениально твой читатель, “перейти на **крепкие** слова и **размышления**”. Столько жёсткой, отточенно-выверенной, исторической правды о лит<ературном> мире, обществе, обо мне и... о себе, ибо, “пишá”, человек, в первую очередь, беспощадно раскрывает себя, свой образ дум и “души прекрасные порывы”. Тут дело не в полит<ической> или гражданской позиции, её может высказать и врач, и геолог, – за нашими плечами стоит великий цензор – русская класс<ическая> литература, и художнику слова ой как надо точить перо, шли-

фовать линзу зрения и разума! Врачу простят и забудут, писателю — никогда. Вот это-то и “сковывает” мои грозные думы и пламенные мысли: а прав ли я в них как художник? И не эстетство, не “олимпийство Бондарева”, ну, не могу объяснить — что? Тугодум. Таня Глушкова в своё время очень “внедрялась” в моё сознание перепиской, но... Я что-то, как вспоминал её чемодан с меня ростом на колёсиках, когда уезжали из Новгорода, с 1000-летия, так “замыкался” в скорлупу, м<ожет> б<ыть>, боялся провокаторства: кто она такая, Глушкова? Зачем “внедряется”, особенно в тему В. Распутина? Я в те годы был очень близок к Вал<ентину> Григ<орьевичу> (после ухода во власть — струсил, не писал, сейчас переписка восстанавливается). Я 10 лет обязан был сочинять некрологи, всякому ворью писать “честнейший” и т. д. Десятилетнее насилие над совестью и мозгом привело к добровольной отставке, буду год получать, как госслужащий категории “Б”, полный оклад. Уже 3 месяца прошло, а в голове — сумбур. Что это было — 10 лет? Каяться не за что: пахал по 15 часов в сутки. А чем гордиться? Ну, узнал людей с сучьими паспортами и что — ужас! — м<ожет> б<ыть>, в одно время с тобой, м<ожет> б<ыть>, чуть раньше, сочиняя здравницы и некрологи, ужаснулся, читая личные дела — вся элита из отцов-кэ-гэбэшников, ментов, партбоссов, совбоссов, профбоссов, красного директора-та. Во всей власти — 5–6 из крестьян, как я, на всю тысячную машину. Своя субкультура: в одни садики ходили, одни школы, один Чит<инский> пединститут за плечами, сейчас ходят в одни сауны, спортзалы, рестораны, женаты на таких же. Брр! Сейчас в Чите строится “Гениатулинское ханство”. Куда русскому податься? Там — татары, тут — евреи, и ни-ка-ких противоречий меж ними, не на чем сыграть даже... Евреи уехали, остались самые лютые полукровки. Понимаешь, нет в Чите ни 1 друга, с которым бы поговорить: спились, уехали, померли, убили. Живу письмами с 2–3 земляками. Не хандрю — пишу много, но плохо, что-то всё “местно-читинское”, на уровне провинциала, по форме — общероссийски, по материалу — “местно-пошехонски”. А ты вона куда — на Олимп, то бишь в “НС”, просишь прислать чего-нибудь интересного...

А тут — хе-хе-с! — приглашение “участвовать в Международном фестивале “Поэты на Байкале”, проводит Евтух, хочет открыть дом-музей своего имени в Зиме. ??? Специально поехать и посмотреть? Отказаться “болезнью”? Демонстративно? Буду думать, до середины лета далеко. В Иркутске побывать — тянет, там хоть с сыном Валентина — Сергеем — увижусь, всё же часто общались, когда он служил в Чите.

Согласен с твоей критикой “белой идеи”³², но надо было “переболеть корью”, а м<ожет> б<ыть>, и “раком”, чтоб идти дальше. Да и меня это — в Чите-то! — спасало, ибо видел перекошенные лица, ибо сознательно противопоставлял “белый миф” “красному мифу”, “комиссарскому мифу” и т. д. Это — особинка Забайкалья, мой фронт. Видимо, в этом был и какой-то “солонхинский личный фронт”, о котором мы не знали... Много чего накручено позади, ведь мои старожилы были в белых, романтическая вуаль тут не от ума — от зова крови... Старику Балябину даже 100-летие никак не отметили, ибо часто приезжающий в Читу Кобзон так зачаровал всё упр<авление> культуры при содействии губернатора, что... (перехожу на крепкие размышления). Все буряты, от которых баллотируется Кобзон, знают мою хохму: уважая нац<иональные> особенности, надо именовать главу округа — найоном, пред<едателя> Думы — тайшой, депутатов — кобзонами! Про подписку с губернатором говорить бесполезно, попытаюсь через генералов рудников, ГЭС, заводов сделать что-то для библиотек в виде спонсорской помощи, что ли. Время есть — я ж не работаю! — займусь плотно.

Об Астафьеве — согласен, я где-то описал, как он топтался на могиле бабушки перед камерой оператора — я аж заплакал (а-а, напечатано в “Русской провинции”, это Вал. Курбатов тиснул моё письмо к нему?... — го́да 3 назад).

На этом пора заканчивать, ибо, как говорит жена: “Когда Вишнякова много, это уже перебор”.

Передавая стихи в отдел, лично посмотри “политизированные”, мне важно твоё мнение.

Остаюсь чрезвычайно бодр, работоспособен, сжат, как пружина. Буду эти годы в “крутой” оппозиции, хотя художник должен творить не “благодаря власти”, не “вопреки власти”, а “помимо власти”.

Как-то надо бы “разобраться с моей прозой”, так называемыми “забайкальскими болтомохами”, это — русский лубок, не смех, а ржачка, парадокс,

случай и т. д. Штук 50, наверное, написано, печатались по стране обширно, даже В. И. Белов написал мне: “Не считай себя провинциалом, мне бы так научиться писать – был бы счастлив...” Ну, тут деда понесло на бочку мёда, а мне нужна ложка дёгтя: что это за проза, как составить книгу ли, цикл ли: всё – пестро, разноматериально, разноязыко, разностилистично. Одна – глупость, две – глупость, а цикл... эге, что-то напряжинивается, начинает витать “некий образ”. Не посоветуешь ли переслать какому-нибудь ядовитому другу в той же Москве, чтоб всё это “продрать с песочком” да начать искать деньги на издание типа “Вологодских бухтин”, а?

Поклон твоим синеглазкам; они оставили во мне своим Бытием рядом с дедом на фоне куполов Лавры – потрясающее впечатление, теперь – уже большие, поди!³³

*Да, старость — сушёная вобла.
Но всё-таки я не тужу:
не только вполглаза, но в оба
на стройные ножки гляжу.
Легки, грациозны, прекрасны,
они примагнитят мой взгляд.
...А те, кто со мной не согласны,
пусть лучше под ноги глядят.*

Обнимаю! Вот и в Чите заиграла теплынь!

Твой Михаил Вишняков.
г. Чита.
17 марта 2001.

* * *

К сожалению, в моём архиве сохранились копии лишь двух писем к Вишнякову. Видимо, оба этих письма показали мне весьма важными, коль я отпечатал их под копирку, но, к сожалению, без даты.

Здравствуй, Михаил!

Рад был получить от тебя живую и страстную весточку, рад, что есть во глубине России люди, которые думают, страдают, мучаются, не щадя души своей. Я знаю нескольких таких страстотерпцев, за Уралом живущих, молодых поэтов: Владимира Урусова из Хабаровска, Николая Колмогорова из Кемерово, о тебе тоже всё время помнил, хотя давно стихов твоих не читал. Если выходили в последнее время книги – присылай. Нет, жизнь не кончается и русская поэтическая совесть не умирает. Очень я этому рад, и если чем-либо поспособствовал тому, что после нашего поколения появляются новые имена, то значит, недаром прошли эти годы.

Понимаю, как тяжко порою бывает тебе в Чите, душу отвести, поговорить, наверное, мало с кем удаётся.

А у нас в столице другая беда: столько сил жизненных уходит в разговоры! Поэтому, когда невтерпёж станвится, я сбегаю то на родину в Калугу, то на Беломорье, то на Тянь-Шань. А иначе пропадёшь, иссохнешь без живой воды и почернеешь до времени.

Мысли твои о поэзии мне близки. Ничего не бойся. Бесстрашие – главное наше спасение. Но и укорачивать себя надо, большой воли не давать соблазнам всяческим, будто бы всё знаешь и мир насквозь видишь. Поэт – он одновременно и сам себе народ, и сам себе государство.

Вот и пляши на ниточке, и распоясаться ты сам себе должен позволить и железной дланью свой собственный мятеж в форму уложить, чтобы стенки светились от внутреннего жара, но не плавилась.

Насколько мне помнится, в прежних твоих стихах (тех, которые я помню) форма у тебя была непрочной, красоты (совершенства?) не хватало, а ведь красота всё смирить может “слабым манием руки”: и страх перед жизнью, и сумятицу чувств, и, как ты пишешь, “Голгофу души”... Не попадалась ли те-

бе книга моих размышлений о поэзии – “Свободная стихия”, изданная в “Современнике”?

Если нет – пришлю. Может быть, нужно чем-то помочь в московских издательствах?

Не падай духом, и если пьёшь – то завязывай немедленно.

Твой Станислав Куняев.

Письмо, видимо, было написано в начале нашего “эпистолярного романа”, в то время как вторая эпистола относится, видимо, к 2002-му или 2003 году, когда мы уже хорошо знали друг друга.

Дорогой мой Миша!

Я печатаю в журнале уже год с лишним книгу своих воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”. Её герои и действующие лица – люди, с которыми мы жили бок о бок почти 50 лет: Смеляков, Слуцкий, Рубцов, Передреев, Межиров, Фёдор Сухов, Георгий Свиридов и другие. Скоро дойду до более молодых и в очередной главе, с твоего разрешения, хочу напечатать несколько твоих замечательных писем, которые ты мне писал в 70–80-е годы. Я просто хочу этой публикацией показать, насколько нравственно, эстетически и граждански был высок уровень мышления и понимания жизни поэтами русскими в то время...

Думаю, ты не будешь возражать против этого замысла, тем более что письма действительно замечательные, и потому ещё, что мы в жизни, наверное, больше уже никогда не увидимся.

Теперь о делах насущных. Мишенька! “НС” – плоть и кровь, чадо моё, любимое дитя, и как же мне было обидно узнать, что подписка на него в Читинской области – самая худшая из всяких российских областей. Приморский край – ещё дальше вас! – и то 101 подписка, а у вас всего 14... Мы бесплатно для читинских писателей каждый месяц высылаем 5 экземпляров журнала, дабы наши коллеги по цеху не забывали, что они состоят в армии русских писателей. А все библиотеки города, области, районов выписывают всего 14! Миша! Нет предела моей печали, Чита, где живёт Вишняков, – и вдруг такое безразличие к великому русскому журналу! Найди спонсоров, походи к губернатору, встряхни общественность – не спи, а то умрёт во сне! Судьба “НС” неотделима от судьбы России! Чтобы ко второму полугодю было в Читинской земле не менее 100 подписок. Тогда приедем к тебе, как недавно были в Иркутске у Распутина. Не умирайте раньше времени!

Твой Ст<анислав> Куняев.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ

¹ Книга “Глубокий день” вышла в издательстве “Советская Россия” в 1978 году. Это было небольшое собрание избранных стихотворений, написанных с 1959 по 1978 год.

² “Канет во мгле” – строчка из стихотворения Владимира Соколова “Нет слов никаких – только совесть”... С этого серьезнейшего мировоззренческого, полного жизни письма и началась наша переписка, длившаяся почти четверть века.

³ Хорошо бы найти в архивах Вишнякова мой ответ, о котором он вспоминает в начале письма. К сожалению, я не снимал копий со своих писем, посылаемых ему, и он, видимо, поступил так же легкомысленно.

⁴ Поэму “Неведомый гонец” я прочитал, она, как мне помнится, была написана талантливо, но некоторый оттенок мистицизма для меня, человека реальных чувств, был странен, о чём я то ли написал Михаилу, то ли сказал ему при встрече.

⁵ В моём стихотворении спорили не арабы, а наши писатели (о чём Вишняков почти догадался!): профессор из Бакинского университета – некто Джафарова, а её противником в споре был известный армянский писатель Серо Ханзадян. Спорили они о том, кому должен принадлежать Арарат – армянам или азербайджанцам, забыв о том, что он принадлежит туркам. Спор этот происходил то ли на территории Ирана, то ли на земле Иордании...

- ⁶ То, что в 80-е годы будут “штормовыми” в истории России, он, конечно, угадал.
- ⁷ “Если станешь повторять путь “многих славных” — слова из стихотворения Некрасова.
- ⁸ Книга “Путь” с предисловием Вадима Кожинова вышла к моему 50-летию в 1982 году в издательстве “Молодая гвардия”.
- ⁹ Удивительно пророчество Михаила Вишнякова из этого письма: “Я знаю твёрдо, что моя смерть будет большой потерей для Забайкалья”.
- ¹⁰ “Горизонт, как перо краевое” — это строка дала название публикации “Перо краевое (судьбы писем в “Сибири”, “НС”, № 10, 2005).
- ¹¹ “И в просвещении быть с веком наравне” — пушкинская строчка из стихотворения “Чаадаеву”.
- ¹² “Хотелось мне и поздравить тебя с наградой”. В 1984 году к 50-летию создания Союза писателей СССР я был награждён орденом “Знак почёта”.
- ¹³ В первой строке вишняковского письма, видимо, идёт речь о моём письме, посланном ему летом 1985 года.
- ¹⁴ Цитаты из Алтаузена: “Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского — зачем им пьедестал, довольно нам двух лавочников славить, их за прилавками Октября застал”, — я привёл в одном из своих выступлений тех лет.
- ¹⁵ Возможно, речь идёт о работе И. Шафаревича “Русофобия”, которую С. Викулов по моей просьбе напечатал в “Нашем современнике”.
- ¹⁶ “Твою книгу критики читали долго”. Имеется в виду книга: “Огонь, мерцающий в сосуде”. М., “Современник”, 1986.
- ¹⁷ Письмо состояло лишь из одного стихотворения.
- ¹⁸ Перевод “Слова о полку” Вишняков вскоре прислал мне, но ввиду того, что к юбилею (800-летие) великой поэмы многие поэты сделали новые переводы “Слова” на современный русский язык (И. Шкляревский, А. Артемьев, Г. Карпунина и др.), и у каждого перевода были свои достоинства и недостатки, С. В. Викулов принял решение не публиковать ни один из них.
- ¹⁹ “Твардовский в Забайкалье” был опубликован в журнале “Наш современник”, когда я стал его главным редактором.
- ²⁰ М. Вишняков вспоминает статью Е. Евтушенко “Премированное недоброежелательство” (“ЛГ”, 13.01.1988), в которой автор негодовал по поводу присвоения мне литературной премии им. А. М. Горького.
- ²¹ Телеграмма М. Вишнякова, естественно, не была напечатана в “Литературной газете”.
- ²² Это одно из самых замечательных по изображению восточно-сибирской природы и быта писем М. Вишнякова.
- ²³ Речь идёт о пленуме СП СССР, который состоялся в марте 1988 года.
- ²⁴ “Наш современник”, № 7, 1988.
- ²⁵ М. Вишняков совершенно прав в своём толковании моих строчек из стихотворения “Размышления на старом Арбате”.
- ²⁶ Речь идёт о книге “Мать сыра земля”, М., 1988.
- ²⁷ Строка из моего “Тянь-шаньского” цикла.
- ²⁸ Речь идёт о полном тексте работы Шафаревича “Русофобия”.
- ²⁹ В одном из своих писем (публикуется ниже) я попросил Михаила найти у областных властей деньги для библиотечной подписки на “Наш современник”.
- ³⁰ Возможно, что речь идёт о публикации в “Нашем современнике” “Манифеста” друга Есенина Алексея Ганина, расстрелянного ЧК в 1925 году.
- ³¹ Речь идёт о книге воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”.
- ³² Серьёзные разногласия между нами возникли в период увлечения Вишняковым судьбами Колчака, атамана Семёнова, Каппеля, белого казачества. Я, как мог, пытался объяснить ему, что белые времён гражданской войны и военные люди эпохи войны 1812 года, Севастопольской обороны, русско-японской и германской войн — это люди совершенно разной духовной породы. “Воины” Февральской революции по определению не могли быть кристально честными патриотами Великой и Неделимой России, возглавляемой помазанником Божьим. Недаром я напоминал Михаилу слова Колчака о том, что он является “кондотьером”, то есть наёмником, исполняющим во время гражданской войны волю западного масонства.
- ³³ Вишняков вспоминает о моих трёх внуках, которых он увидел в деревне Абрамово под Сергиевым Посадом, когда приезжал ко мне из Москвы в середине 1990-х годов прошлого века помочь выложить сруб под деревенскую баню. Когда я парюсь в бане, сложеной из этих брёвен, то всегда вспоминаю его — худого, жилистого, с плотничьим топором в руке, с космой волос над смуглым загорелым лицом охотника, землепроходца, поэта...